

Николай Николаевич Харузинъ.

† 25 марта 1900 г.

Мнѣ вторично выпадаетъ на долю печальная обязанность занести въ синодикъ Этнографическаго Отдѣла имя Харузина, тѣсно связанное съ русской этнографіей и всею дѣятельностью московскаго этнографическаго кружка. Въ 1888 году скончался Михаилъ Николаевичъ Харузинъ, бывшій секретарь Отдѣла. 25-го марта текущаго года за нимъ послѣдовалъ младшій братъ Николай Николаевичъ, товарищъ предсѣдателя Отдѣла, похищенный смертью на 34 году жизни, въ полномъ разцвѣтѣ духовныхъ силъ и способностей. Всѣ, кому дороги судьбы русской науки, всѣ, кто слѣдили за неутомимой научной дѣятельностью покойнаго по его печатнымъ трудамъ, искренно пожалѣютъ объ этой неожиданной утратѣ. Тѣмъ тяжелѣе она для насъ, близко знавшихъ Николая Николаевича, видѣвшихъ въ постоянномъ дѣйствіи эту необыкновенную энергію, эту кипучую натуру ученаго, жившую исключительно интересами науки, для насъ, испытывавшихъ на себѣ бодрящее, побуждающее къ дѣятельности вліяніе его личности. Особенно тяжела эта утрата для молодыхъ членовъ нашего кружка: многіе изъ нихъ были въ полномъ смыслѣ его учениками, были введены имъ въ наше Общество, работали подъ его наблюденіемъ и руководствомъ...

Упорная работа — вотъ все содержаніе этой короткой жизни. Долгая всесторонняя подготовка къ научной дѣятельности—и, какъ результатъ подготовки, короткій, къ сожалѣнію, слишкомъ короткій, но въ высшей степени плодотворный періодъ самостоятельнаго писательскаго труда и учительства, завоевавшій Харузину почетное имя въ исторіи русской этнографіи.

Напомнимъ нѣкоторые факты его несложной біографіи. Николай Николаевичъ Харузинъ родился въ 1865 году, учился въ IV-ой московской гимназіи (гдѣ шелъ первымъ ученикомъ до VI класса), окончилъ курсъ въ 1885 году. Владѣя новыми языками и живо интересуясь, насколько позволяла

суровая классическая школа перваго періода нашего классицизма, культурно-историческимъ чтеніемъ, Н. Н. мечталъ въ гимназіи о поступленіи на историко-филологическій факультетъ. Но съ введеніемъ университетскаго устава 1884 года были настолько усилены занятія классическими языками на этомъ факультетѣ, что это нововведеніе удержало его, какъ и многихъ другихъ, отъ поступленія въ число филологовъ. Онъ рѣшилъ по совѣту старшаго брата, который вообще оказалъ первое сильное вліяніе на его научное развитіе, поступить на юридическій факультетъ. Въ университетѣ Н. Н. особенно усиленно занимался исторіей русскаго права и государственнымъ правомъ. Любимымъ профессоромъ, котораго лекціи и книги поддерживали въ немъ интересъ къ этимъ наукамъ, былъ М. М. Ковалевскій. Кромѣ обязательныхъ предметовъ юридическаго факультета, личныя симпатіи влекли Н. Н. къ изученію обычнаго права и этнографіи, которыми онъ началъ интересоваться еще въ гимназіи. По зачетѣ 8 семестровъ Н. Н. въ 1890 г. приступилъ къ государственнымъ экзаменамъ, первую половину которыхъ онъ и выдержалъ весной этого года. Но, вынужденный перетомленіемъ прекратить экзамены, онъ, по выздоровленія, рѣшилъ отказаться отъ юридическихъ наукъ, отдаться своимъ историко-культурнымъ симпатіямъ и готовится къ диплому кандидата историко-филологическаго факультета, избравъ окончательнo своей научной спеціальностью обширную область этнографіи. Изучая лекціи профессоровъ историческаго отдѣленія и обширную научную литературу въ 1891 году, онъ въ слѣдующемъ предпринимаетъ поѣздку за границу, въ Германію и Францію. Въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ онъ основательно изучаетъ коллекціи этнографическихъ и археологическихъ музеевъ. Въ Парижѣ, кромѣ занятій въ музеяхъ, онъ слушаетъ лекціи по этнографіи и первобытной исторіи у профессора Флакка (Collège de France), Летурно, Габріэля и Адриена де Мортилье (въ Ecole d'Anthropologie). Кромѣ того онъ принималъ участіе въ занятіяхъ Société Nationale des Antiquaires de France, которое, по прочтеніи имъ доклада о новѣйшихъ взглядахъ на культуру курганнаго періода центральной Россіи, удостоило его серебрянаго жетона. Послѣ трехлѣтней подготовки Н. Н. въ 1893 году сдалъ экзаменъ на степень кандидата по этнографическо-географическому отдѣленію филологическаго факультета Юрьевского университета.

Уже съ перваго года пребыванія въ университетѣ Н. Н. начинаетъ въ вакаціонное время совершать научныя экскурсіи въ разныя области Россіи съ цѣлью изученія ея многочисленныхъ народностей. Весною 1886 года, только что

перейдя на 2-ой курсъ, услыхавъ о снаряжаемой Московскимъ Археологическимъ обществомъ экспедиціи на Кавказъ, онъ явился ко мнѣ съ просьбой взять его съ собою въ качествѣ добровольца-помощника. Видя увлеченіе юнаго студента-юриста, съ которымъ я тутъ впервые познакомился, я не могъ отказать ему въ его просьбѣ. Въ теченіе трехмѣсячной поѣздки я близко сошелся съ нимъ и могъ на дѣлѣ убѣдиться въ его глубокомъ интересѣ къ наукѣ и замѣчательной работоспособности. Студентъ-юристъ оказался увлеченнымъ любителемъ археологій и этнографіи и былъ мнѣ самымъ полезнымъ помощникомъ при раскопкахъ въ Чечнѣ, Осетіи и въ Крыму (въ Алуштѣ). Я живо помню, какъ тщательно онъ велъ записи раскопкамъ, регистрировалъ находимые предметы, отмѣчалъ все интересное въ археологическомъ отношеніи, что намъ встрѣчалось по пути, съ какимъ рвеніемъ выбиралъ все содержимое подземныхъ склеповъ и т. д. Одновременно съ археологическими занятіями онъ въ чеченскихъ и осетинскихъ аулахъ собиралъ свѣдѣнія по обычному праву и записывалъ преданія и сказки. Этого пріема въ каждомъ путешествіи изучать страну и людей по возможности въ разныхъ отношеніяхъ онъ держался во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ поѣздкахъ, почему всѣ онъ даетъ ему столь обильный матеріалъ для научныхъ сообщеній. Такъ, слѣды первой экспедиціи молодого студента мы находимъ въ цѣломъ рядѣ работъ. Онъ описываетъ раскопки въ Алуштѣ въ „Симферопольскихъ Вѣдомостяхъ“, археологическія экскурсіи въ Чечнѣ и Осетіи—въ газ. „Кавказъ“, печатаетъ замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей въ „Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ“ и тамъ же ингушскія сказки, записанныя во время поѣздки по Чечнѣ, наконецъ, немного позже, въ 1888 г., помѣщаетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ описаніе нашего совместнаго путешествія подъ заглавіемъ „По горамъ сѣвернаго Кавказа“ (кн. X. и XI).

Въ лѣто слѣдующаго 1887 года онъ переносится на сѣверную окраину Россіи, въ командировкѣ Этнографическаго Отдѣла для изученія быта русскаго населенія Олонецкой губерніи и лопарей. Эта — уже вполне самостоятельная научная поѣздка была еще плодотворнѣе по своимъ результатамъ и была по заслугамъ награждена серебряной медалью нашего Общества. Она внесла въ нашу этнографическую литературу рядъ интересныхъ статей и матеріаловъ, каковы статьи Н. Н-ча: „О лопарской бивальшинѣ и пѣснѣ“, „О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей“, „Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей“, „Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго у. Олонецкой губерніи“. Но

самымъ важнымъ результомъ изученія лопарей и всей предшествующей научной литературы объ этой народности является капитальная монографія Н. Н. Харузина „Русскіе Лопари“ (472 стр. in 4°), исчерпывающая всѣ стороны прошлаго и современнаго быта лопарей. Начинаясь очеркомъ страны русскихъ лопарей и историческими свѣдѣніями о нихъ, изслѣдованіе Н. Н. Харузина содержитъ далѣе самый полный очеркъ внѣшняго и матеріальнаго быта, переходитъ къ изученію древней религіи лопарей и слѣдовъ древнихъ вѣрованій, сохранившихся донинѣ, даетъ затѣмъ обстоятельное изложеніе семейнаго и общественнаго быта и кончается интереснѣйшей главой о лопарскомъ народномъ творествѣ. Монографія снабжена цѣнными приложениями нѣкоторыхъ архивныхъ документовъ и иллюстрирована политипажами. „Попытки собрать во-едино разбросанныя въ этнографической литературѣ свѣдѣнія о лопаряхъ, провѣрить ихъ критически, пополнить собственными наблюденіями и представить этотъ сводъ данныхъ въ видѣ систематической монографіи—не было сдѣлано въ новѣйшее время еще никѣмъ, и трудъ Н. Н. Харузина является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ и притомъ настолько полнымъ и основательнымъ, что къ нему трудно прибавить что-нибудь существенное, и что онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ служить точкой отправленія для всѣхъ послѣдующихъ работъ по изученію того же племени“¹⁾. Въ этихъ словахъ высказывается свое мнѣніе о достоинствѣ книги Н. Н. Харузина такой компетентный ученый, каковъ проф. Д. Н. Анучинъ. Общество же Любителей Естествознанія, по представленію Этнографическаго Отдѣла, присудило автору за его упорную трехлѣтнюю работу надъ этимъ обширнымъ трудомъ золотую медаль.

За второю этнографическою поѣздкою Харузина слѣдуетъ рядъ другихъ: посѣщать каждое лѣто ту или другую область Россіи—становится у него какъ бы привычкою.

И вотъ въ 1888 г. онъ снова посѣщаетъ Крымъ и Кавказъ, въ 1889 Крымъ и Черниговскую губернію, въ 1890 предпринимаетъ экскурсіи въ Вятскую и Пермскую губерніи, въ 1891—въ губернію Эстляндскую, затѣмъ въ Астраханскую и въ Закавказье, въ 1892 снова въ Эстляндскую губернію, въ 1894 снова въ Крымъ, въ 1895 въ Западную Сибирь, въ 1896 въ Алтайскій округъ и Кулундинскую степь. Во время своихъ лѣтнихъ поѣздокъ Н. Н. постоянно старался сближаться съ мѣстными дѣятелями по этнографіи и путемъ личныхъ сношеній и затѣмъ переписки привлекать ихъ къ

1) Этнограф. Обзоріе, кн. IV, стр. 209.

своему любимому дѣлу—всестороннему изученію быта населенія. Экскурсіи дають ему постоянно новый и интересный матеріалъ для статей и докладовъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ, въ трудахъ котораго онъ принимаетъ самое горячее участіе уже вскорѣ послѣ своей первой, еще студенческой, повѣдки. Всѣ мы знаемъ, что въ лѣтописи нашего Отдѣла съ 1886-го года имя Николая Харузина встрѣчается постоянно вплоть до дня его кончины. Напомнимъ лишь нѣкоторыя, главные черты его дѣятельности. Съ 1889 по 1893 г. Н. Н. состоялъ сначала помощникомъ, а затѣмъ 2-мъ секретаремъ Отдѣла, причѣмъ завѣдывалъ редактированіемъ нѣсколькихъ выпусковъ издавнаго по его инициативѣ Сборника свѣдѣній по изученію быта крестьянскаго населенія Россіи, въ которомъ помѣщались и собранные имъ лично матеріалы. Благодаря своему юридическому образованію и всестороннему изученію обычнаго права, онъ обратилъ особое вниманіе на этотъ отдѣлъ этнографическихъ свѣдѣній, входящихъ также въ программу дѣятельности нашего Отдѣла, старался привлечь студентовъ-юристовъ къ изученію обычнаго права русскаго и ивородческаго, руководилъ ихъ занятіями и вводилъ новыхъ членовъ въ нашъ этнографическій кружокъ. Припомнимъ, что Н. Н. помогаль еще въ 1887 своему старшему брату Михаилу Николаевичу, бывшему секретаремъ Отдѣла, въ составленіи изданной имъ обширной „Программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“. Но если обычное право всего раньше привлекало къ себѣ интересъ Н. Н., какъ юриста, онъ по свойству своей натуры ученаго не могъ замкнуться исключительно въ этой области: онъ былъ этнографъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и всѣ стороны матеріальнаго и духовнаго быта народовъ равно привлекали къ себѣ его вниманіе. Въ этомъ отношеніи среди членовъ нашего Отдѣла онъ представляетъ исключительное явленіе: онъ посвятилъ этнографіи всю свою дѣятельность, всѣ свои крупныя научныя способности и неутомимую энергію. Онъ долго и упорно изучалъ эту науку и ея исторію, въ Россіи и за границей, неоднократно предпринималъ съ этнографической цѣлью путешествія по Россіи, составлялъ для Комиссіи домашняго чтенія программы по изученію этнографіи, слѣдилъ за всѣми явленіями въ этнографической литературѣ въ Россіи и за границей и давалъ о нихъ отчеты въ многочисленныхъ статьяхъ и рецензіяхъ, руководилъ составленіемъ популярныхъ книжекъ по этнографіи Россіи, издаваемыхъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, и, наконецъ безвозмездно читалъ научные курсы по этнографіи въ Московскомъ университетѣ и въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Спе-

ціальная подготовка и многочисленные научные труды несомнѣнно давали Н. Н. нравственное право быть профессоромъ этнографіи, и если онъ не достигъ профессуры, то не по своей винѣ, а потому, что этнографія, какъ наука, до сихъ поръ въ Россіи, къ сожалѣнію, не представлена университетскою кафедрой, не введена въ число обязательныхъ факультетскихъ предметовъ, какимъ еще недавно сдѣлалась у насъ географія. Но историко-филологическій факультетъ московскаго университета въ виду научныхъ трудовъ Харузина единогласно допустилъ его въ 1896 г. къ чтенію лекцій по этнографіи въ званіи приватъ-доцента безъ требуемаго отъ кандидатовъ магистерскаго экзамена. Читая съ 96-го года систематическіе курсы этнографіи на историко-филологическомъ факультетѣ, Н. Н. всегда находилъ небольшую, но внимательную аудиторію, и его ученики уже скоро стали выступать въ засѣданіяхъ нашего Отдѣла съ собранными ими матеріалами или рефератами, составленными подъ его руководствомъ. Умѣнье привлекать слушателей къ своему предмету проявилось и въ томъ, что и въ Лазаревскомъ институтѣ, гдѣ Н. Н. началъ читать этнографію съ 1898 года, среди студентовъ-ориенталистовъ уже на второй годъ его преподаванія оказались лица, заинтересовавшіяся лекціями Харузина и выступавшія въ засѣданіяхъ нашего Отдѣла съ этнографическими рефератами. Итакъ, нисколько не преувеличивая научныхъ заслугъ Н. Н., мы можемъ сказать, что онъ въ теченіе десятилѣтія велъ самую энергичную пропаганду научнаго значенія этнографіи и въ Отдѣлѣ, и на университетскою кафедрѣ, и въ своихъ изслѣдованіяхъ, и въ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ и, наконецъ, въ своихъ сношеніяхъ со многими любителями этнографіи въ Москвѣ и провинціи.

Первымъ и главнымъ поприщемъ его писательской дѣятельности былъ органъ Отдѣла „Этнографическое Обозрѣніе“. Съ перваго года нашего журнала (1889) вплоть до текущаго нѣтъ ни одной книжки, въ которой мы не встрѣтили бы имени Н. Харузина, то подъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, то подъ критической статьей, то подъ библиографической замѣткой. Ограничусь указаніемъ такихъ изслѣдованій, каковы: „Къ вопросу объ ассимиляціонной способности русскаго народа“ (Э. О. 1894 № 4), „Къ вопросу о борьбѣ московскаго правительства съ народными суевѣріями“ (1897 № 1), „Юридическіе обычаи Якутовъ“ (1898 № 2) „Медвѣжья присяга и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ“ (1899, №№ 3 и 4), и двухъ обширныхъ статей: „Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ“ и „Очеркъ развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и

монгольскихъ народностей Россіи“, очерковъ, составившихъ двѣ книги въ отдѣльномъ изданіи. Знакомы наше общество съ движеніемъ этнографической литературы на западѣ, Н. Н. давалъ въ журналѣ обстоятельные отчеты о наиболѣ крупныхъ изслѣдованіяхъ европейскихъ ученыхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ западно-европейской этнографической литературы“. Такъ, имъ были изложены и критически разобраны труды Гроссе и Летурно о зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ (Э. О. 1895 № 1), Генриха Кунова—о зачаткахъ развитія семьи у австралійскихъ негровъ (1895 № 3), Мукке—объ ордѣ и семьѣ (Э. О. 1895 № 4), Гроссе и Гильдебранда по вопросу о соотношеніи хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній (Э. О. 1896 № 4), Кунова—о государственномъ строѣ древняго Перу (Э. О. 1899 № 1-2). Помимо критическихъ статей подъ названной рубрикой, мы находимъ въ отдѣлѣ „Критики и библиографіи“ нашего журнала длинный рядъ (до 140) рецензій иностранныхъ и русскихъ книгъ по этнографіи, подписанныхъ инициалами Н. Х., самаго неутомимаго изъ сотрудниковъ „Этнографическаго Обзорнія“.

Но если наиболѣ крупные труды Харузина появлялись на страницахъ нашего журнала, онъ, при своей неутомимости, находилъ возможность помѣщать свои статьи и во многихъ другихъ московскихъ, петербургскихъ, провинціальныхъ и иностранныхъ изданіяхъ, журналахъ и газетахъ. Теперь, когда его неожиданная кончина возлагаетъ на насъ обязанность подвести итоги его печатнымъ трудамъ, мы были поражены его производительностью, составивъ, быть можетъ, неполный списокъ всего явившагося за его подписью. Прилагая этотъ списокъ въ концѣ, отмѣтимъ только названія изданій, въ которыя онъ сдѣлалъ свой вкладъ; таковы: „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“, „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ“, „Дневникъ Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э.“, „Археологическія извѣстія и замѣтки“, „Труды И. М. Археолог. Общества“, „Труды Археологической комиссіи И. М. Арх. Общества“, „Юбилейный сборникъ въ честь В. Э. Миллера“. Изъ провинціальныхъ изданій статьи Н. Н. можно найти въ газетахъ „Кавказъ“, „Симферопольскія Вѣдомости“, „Курскія Губернскія Вѣдомости“, „Воронежскія, Губернскія и Епархіальныя вѣдомости“, въ „Сборникѣ“ Историко-филологическаго Общества при институтѣ кн. Безбородко“, „Временникѣ Эстляндской губерніи“, въ „Трудахъ“ Орловской и Рязанской архивныхъ комиссій. Изъ заграничныхъ изданій Н. Н. помѣстилъ интересную статью „Etude sur les anciennes églises russes aux toits en forme de tente“ въ

Mémoires de la Soc. nation. des antiquaires de France (1893, t. LIII) и нѣсколько библиографическихъ отзывовъ и замѣтокъ въ журналѣ „Anthropologie“ (за 1890 г.). Сверхъ всего этого съ 1898 г. Н. Н. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ двухъ газетъ—„Курьера“ и „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“, гдѣ помѣщалъ статьи, касающіяся Востока. Въ „Курьерѣ“ шли его фельетоны подъ заглавіемъ „Письма о Востоку“ и рядъ передовыхъ и мелкихъ статей. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ ему принадлежатъ нѣсколько передовыхъ и болѣе обширныхъ статей.

Нашъ очеркъ дѣятельности Н. Н. въ области этнографіи былъ бы далеко не полнымъ, еслибъ мы не коснулись, хоть вскользь, его работъ въ другой смежной области—археологіи и исторіи. Слѣды примитивнаго быта у современныхъ малокультурныхъ народовъ находятъ себѣ параллели и разъясненія какъ въ историческихъ свидѣтельствахъ о древнемъ бытѣ историческихъ народовъ, такъ и въ изслѣдованіяхъ могилъ остатковъ древнѣйшихъ поселеній и другихъ археологическихъ памятниковъ. Понимая тѣсную связь этихъ трехъ отраслей знанія, ведущихъ къ одной историко-культурной цѣли, Н. Н. оставилъ немало трудовъ въ области вещественной археологіи и исторіи, которые свидѣлствуютъ о широтѣ его научныхъ взглядовъ. Эти труды находятся въ связи съ его путешествіями, съ его службой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Архивѣ Министерства юстиціи, гдѣ онъ занимался разборомъ документовъ и приобрѣлъ навыкъ въ чтеніи рукописей, и съ его безвозмездными занятіями въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, котораго богатая коллекція онъ изучилъ основательно. Послѣ его участія въ раскопкахъ на Кавказѣ и въ Алуштѣ въ 1886 г., мы видимъ его производящимъ самостоятельно раскопки въ 1889 г. въ Гурауфѣ и Гугушѣ, затѣмъ участвующимъ въ раскопкахъ подмосковныхъ городищъ и могильниковъ въ с. Коломенскомъ (Дьяково городище) и Спасскомъ. Но всего болѣе потрудился онъ для археологіи Балтійскихъ губерній, куда, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ ѣздилъ въ лѣтнее вакаціонное время. Какъ необходимо, подготовительную работу къ X-му Археологическому съѣзду въ Ригѣ, онъ составилъ обстоятельный „Обзоръ доисторической археологіи Балтійскихъ губерній по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей“ (напечат. въ Ревелѣ въ 1894 г., 151 стр.). Изучивъ подробно труды мѣстныхъ ученыхъ и обильный раньше собранный раскопками археологическій матеріалъ въ мѣстныхъ музеяхъ, онъ убѣдился, что мѣстные изслѣдователи мало обращали вниманія на научное археологическое движеніе, совершавшееся въ остальныхъ частяхъ Россіи, мало слѣдили за нимъ, и не-

знакомство ихъ съ общерусской археологіей должно было привести къ нѣкоторымъ отрицательнымъ чертамъ, которыми часто грѣшатъ мѣстные ученые изслѣдованія. Стремленіе какъ можно быстрѣе рѣшить вопросы, являющіеся при изученіи древностей края, приводило неоднократно къ поспѣшнымъ и мало обоснованнымъ выводамъ и положеніямъ. Съ обычной основательностью Н. Н. въ своей книгѣ описываетъ въ 4-хъ обширныхъ главахъ археологическій матеріалъ Балтійскихъ губерній: монеты, предметы каменнаго и бронзоваго вѣка, городища, свайныя постройки, пещеры, жертвенныя мѣста, устройство могилъ, могильный инвентарь, и затѣмъ въ пятой главѣ, разсматривая вопросъ о классификаціи могилъ по народностямъ, критически разбираетъ теоріи Крузе, Бера, Гревинга, гр. Сиверса, Монтелиуса, Ундсета, Ворзаэ и Аспелина и подготавливаетъ своими разысканіями для обсужденія сѣзда и дальнѣйшихъ изслѣдованій рядъ интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ доисторическимъ прошлымъ края, напр., вопросы о торговлѣ балтійскихъ славянъ съ мѣстнымъ краемъ и о ихъ поселеніяхъ въ немъ, о древней торговлѣ края съ русскими областями и друг. Книга Н. Н. читается съ живымъ интересомъ и, вѣроятно, долго будетъ служить необходимымъ введеніемъ для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ археологіей Балтійскаго края для дальнѣйшихъ специальныхъ занятій. Такую же полезную работу для исторіи края представляетъ составленный Н. Н. „Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ московскихъ архивахъ Министерства Иностр. Дѣлъ и Юстиціи“ (напеч. въ „Временникѣ Эстл. губ.“ кн. 2 1894 г.), и изданные имъ въ 1896 г. въ сотрудничествѣ съ братомъ А. Н. Харузиннымъ „Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губерніи“ (напеч. въ „Трудахъ И. М. Археолог. Общ.“). Интересъ къ мѣстной исторіи сказывается и въ другихъ работахъ Н. Н., каковы: „Къ исторіи гор. Герцеке въ Ливоніи“ (Археол. Извѣст. и Замѣтки 1896), „О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Москов. Арх. Мин. Юстиціи“ (тамъ же, 1896 г., № 5 и 6), „Псковъ и его пригороды передъ 2-ю польской войной при царѣ Михаилѣ“ (Труды Археогр. комисс. И. М. Арх. Общества, 1898.). Оставляя въ сторонѣ другія статьи Н. Н., свидѣтельствующія о его постоянномъ интересѣ къ археологіи и исторіи и обширномъ знакомствѣ съ литературой печатной и архивной, а также археологическими коллекціями посѣщенныхъ имъ областей Россіи, упомяну въ заключеніе, что, состоя членомъ И. Моск. Археологическаго общества, онъ является однимъ изъ инициаторовъ Археографической комиссіи общества и однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудни-

ковъ издававшихся Обществомъ „Археологическихъ Извѣстій и замѣтокъ“.

Краткій обзоръ научной дѣятельности и печатныхъ трудовъ Н. Н. Харузина уже достаточно показываетъ, какую утрату для русской науки представляетъ его преждевременная кончина. Мы лишились въ немъ крупной научной силы, одаренной притомъ, что нечасто встрѣчается на Руси, замѣчательной энергіей и производительностью. Природа не обидѣла русскаго человѣка ни умомъ, ни даровитостью; но гораздо рѣже, чѣмъ то и другое, встрѣчаются въ нашемъ обществѣ тѣ оба драгоцѣнные свойства, которыми былъ надѣленъ Н. Н. Не напрасно чертою славянскаго характера въ Европѣ нѣкоторые считаютъ непроизводительность (*l'improductivité slave*)! Коренному русскому человѣку, какимъ былъ Н. Н., эта славянская черта была совершенно чужда: русскій характерный глаголь, неперебиваемый на другіе языки: „собираюсь“ (сдѣлать то-то и то-то), не входилъ въ его словарь. Онъ никогда не *собирался* приступить къ какому-нибудь дѣлу, но приступалъ немедленно, не откладывая въ долгій ящикъ. Этимъ и объясняется, что въ сравнительно короткое время онъ такъ много наработалъ. Но эта упорная работа, быть можетъ, и подорвала прежде времени его далеко не крѣпкій отъ природы организмъ. Много разъ говорили ему врачи о переутомленіи, о необходимости полнаго отдыха; но, насколько знаю, Н. Н., вопль сознавая эту необходимость, никогда не могъ выдержать долго характера только въ этомъ отношеніи: его дѣятельный умъ и кипучая натура были главными врагами его физическаго организма.

Однако, при всей своей работоспособности, Н. Н. былъ не изъ тѣхъ работниковъ, которымъ все дается легко. Зная его близко, я могу утверждать, что работа стоила ему большой затраты силъ. Если въ короткое время онъ сдѣлалъ много, то не потому, чтобы работалъ скоро, а потому, что не терялъ времени даромъ. Вопль русскій человѣкъ, онъ только работалъ понѣмечки—аккуратно и систематично. Все, что подписано его именемъ, отличается основательностью, продуманностью и тщательностью въ отдѣлкѣ. Ученый недюжиннаго ума, съ широкимъ научнымъ кругозоромъ, съ обширнымъ общимъ образованіемъ, онъ не былъ способенъ къ одностороннимъ увлеченіямъ, къ смѣлымъ, но рискованнымъ обобщеніямъ. Здоровый скептицизмъ, критическій тактъ, основанный на обширныхъ специальныхъ знаніяхъ, не позволяли ему увлекаться научными гипотезами, какъ бы блестящи онѣ ни казались. Соответствіе между фактами и выводами—вотъ тотъ принципъ (*ne quid nimis*), который чувствуется при чтеніи каждаго его изслѣдованія, и это свойство дѣлаетъ

особенно цѣнными какъ его личныя наблюденія и соображенія, такъ и критическіе отзывы его о чужихъ теоріяхъ и гипотезахъ.

Но не одними изслѣдованіями и статьями сдѣлалъ Н. Н. Харузинъ въ короткое время крупный вкладъ въ русскую науку. Онъ не былъ по характеру своему исключительно кабинетнымъ ученымъ. Онъ былъ общителенъ по природѣ, любилъ дѣлиться своими мыслями и знаніями, особенно съ молодыми людьми, въ которыхъ замѣчалъ интересъ къ наукѣ. Онъ гостепріимно принималъ ихъ у себя, снабжалъ книгами, давалъ совѣты, руководилъ занятіями. Въ появившихся въ газетахъ воспоминаніяхъ о немъ звучитъ не только нота уваженія къ ученому, но и любви къ нему, какъ къ душевному человеку. Дѣйствительно, онъ любилъ своихъ учениковъ, сближался съ ними, входилъ въ потребности ихъ занятій; узнавалъ ихъ матеріальное положеніе и старался быть имъ полезенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Эту сторону его дѣятельности я особенно хорошо знаю, такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ имѣлъ возможность наблюдать Н. Н., какъ преподавателя этнографіи въ специальныхъ классахъ Лазаревского Института. Онъ зналъ всѣхъ своихъ слушателей, охотно говорилъ объ ихъ способностяхъ, интересахъ и характерахъ. Онъ постоянно хлопоталъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія недостаточныхъ студентовъ: доставлялъ имъ уроки и литературную работу, ходатайствовалъ объ освобожденіи отъ платы, причемъ неоднократно самъ вносилъ ее, ссылаясь при этомъ, по обычной скромности, на порученія, яко бы данныя ему другими лицами (чему, впрочемъ, я не вѣрилъ). Помогалъ онъ студентамъ и своими личными, далеко не обильными средствами, о чемъ я узналъ уже послѣ его кончины. Н. Н. былъ въ полномъ смыслѣ „заботникъ“ о студентахъ. При свойственной ему добросовѣстности нечего и говорить, какъ тщательно онъ относился къ добровольно и безвозмездно принятымъ имъ на себя обязанностямъ преподавателя этнографіи. Курсъ его лекцій былъ строго обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ, соразмѣренъ съ количествомъ часовъ, отличался стройностью и законченностью. Поэтому онъ боялся нарушить эту стройность непредвидѣнной манкировкой. Даже въ теченіе его непродолжительной предсмертной болѣзни его тревожила мысль, что онъ не успеетъ закончить своего курса лазаревцамъ. Приведу послѣднія строки, уже написанныя слабѣющею рукою въ постели, изъ письма, полученнаго мною отъ него 21-го марта, за 4 дня до его смерти: „спѣшу Васъ увѣдомить, что, къ сожалѣнію, я не буду въ состояніи читать въ Институтѣ лекцій на этой недѣлѣ. Мнѣ лучше, но я все еще пока лежу, хотя и надѣюсь

вскорѣ встать⁴. Эти надежды, какъ и многія другія въ его жизни, обманули его. Кровоизліяніе въ область сердца, утромъ 25 марта, свело всѣ его счеты съ жизнью, давшей ему слишкомъ мало счастья и слишкомъ много заботы и работы.

Преждевременная кончина Н. Н. обманула и надежды русской науки, которая могла многого ожидать отъ его обширныхъ знаній и неутомимой энергіи, и надежды Отдѣла Этнографіи, который высоко цѣнилъ его постоянное и любовное участіе въ своихъ трудахъ.

Всев. Миллеръ.
